# Любовница Президента

**Автор:**
Ульяна Соболева

Любовница Президента

Ульяна Соболева

Президент #2

Я продала себя сама. Ему, незнакомцу, который остановился проездом в нашей провинциальной гостинице в ненастную ночь. Но я не подозревала, кем именно окажется мой покупатель. Продала свою девственность и красоту за возможность сбежать от нищеты и издевательств мачехи с отчимом. Теперь я содержанка самого влиятельного человека в стране. А на самом деле я всего лишь вещь. Без права на любовь, материнство и свободу. Когда я ему надоем, то меня просто убьют.ХЭ. Герой с огромной властью. Очень жестокий герой. Любовь по принуждению. Альтернативная Россия.Первая книга – «Содержанка для президента»

Ульяна Соболева

Любовница Президента

Пролог

Мир катят те, кому на это хватает ума и сил, а остальные бегут следом и спрашивают, куда же он катится, вместо того чтобы потеть и толкать с остальными

(с) Ульяна Соболева. Пусть любить тебя будет больно

Яхта отплыла, и я чуть не разрыдалась, понимая, что была в шаге от спасения.

Через несколько минут мы оказались на корабле. Нас увели в одну общую каюту. Всем руководила молодая и красивая женщина. Она говорила на русском языке с легким акцентом. Представилась Лаурой.

– Вас вызовут по одной. Выйдите на сцену. Покрутитесь у шеста. Снимите одежду под музыку. Показываем грудь, попу. Другие места не надо. Пососите пальчик, похлопайте ресницами, поиграйтесь сисями. Чтоб было эротично и сексуально. Кому-то нужно для настроения? – помахала пакетиком, и к ней потянулись руки. Она, улыбаясь, раздавала наркотики и гладила девочек по голове.

– Мои кошечки. Давайте, подзарядитесь. Дяди распалятся, и их надо будет сразу же ублажить. А у меня самые улыбчивые малышки.

Рыжая тоже взяла пакет. Насыпала порошка на тыльную сторону ладони и, закрыв одну ноздрю пальцем, втянула белый порошок.

– Кааайф, – закатила глаза, запрокинув голову, – давно такого чистого не нюхала. На. Нюхни и расслабься. Это кокс. Отпустит сразу.

– Не надо. Наркота не мое!

Оттолкнула ее руку и села на кожаную скамейку.

– Ну смотри, твое дело. Будешь там скованно вертеться, не купит никто. Они любят поразвратней. Чтоб обслужила по полной. Ты ж не целка.

Я отвернулась от нее и облокотилась лбом о прохладную обшивку.

– Ты! Кислую рожу оставь дома. Улыбайся мне, поняла?

Женщина, которая раздавала наркотики, как конфеты, взяла меня за подбородок. Как она сказала ее зовут? Лаура?

– Не испорти мне аукцион. Не то я испорчу всю твою никчемную гадскую жизнь! Выйдешь под номером пять. На. Прицепи на бретельку пеньюара.

Я автоматически взяла номер и приколола булавкой к кружеву.

– Вот так. И улыбайся!

Девушки уходили по одной и больше не возвращались. С каждой минутой моя паника становилась все сильнее. Я как будто начала осознавать, что происходит, и от этого у меня жутко захватывало дух и замирало сердце.

– Номер пять!

– Иди!

Рыжая подтолкнула меня.

– Иди, тебя вызывают. Давай! И не бойся. Если реально понравишься крутому чуваку, все зашибись у тебя будет. Поняла? Потанцуй, поулыбайся. Ты очень красивая. Слышишь? Очень! Может, и наладится все и…жизнь новая будет! Содержанкой самого президента станешь!

Я истерически рассмеялась. Хохотала, глотая слезы. Содержанкой президента….

– Надо смочь. Кроме тебя здесь о тебе больше никто не позаботится! Иди!

Меня провели по узкому коридору, застеленному ковровой дорожкой, в темное помещение, похожее на зал. Освещена только сцена с шестом, играет музыка, и голос говорит на трех языках по очереди, в том числе и по-русски.

– Номер пять. Брюнетка. Вес – 49 килограмм, зеленые глаза, белая кожа. Размер груди четвертый. Рост метр шестьдесят пять. Девятнадцать лет….

Он говорит, а меня трясет. Я никогда не представляла, что со мной такое может произойти. Мне приказывают снять пеньюар, и я как сомнамбула подчиняюсь.

– Минимальная ставка…

Я иду к шесту. Кручусь вокруг него. Трусь об него спиной и плачу. Я не могу остановиться. У меня не получается только улыбаться. Я плачу и, как марионетка, растягиваю губы в идиотской усмешке. Снимаю лифчик.

– Ставка сделана. Время пошло.

Он озвучивает новую цену и снова дает время. Те суммы, которые я слышу, не укладываются у меня в голове. Мне кажется, что так не бывает. И такие деньги…Они безумно огромные, и в то же время человек бесценен. Его же нельзя купить.

Я хожу по сцене, и мне шикает кто-то из-за штор.

– Танцуй! Верти задницей! Что ты стала? Давай! Ставки растут!

– Невиданные суммы! У нас осталось всего два участника, господа! Остальные сошли с дистанции! Пусть наша девушка снимет трусики! – продолжает голос на трех языках. И русский из них второй.

– Давай! Раздевайся! – шипят мне, и я стаскиваю трусики дрожащими руками.

– Обалдеть! У нас самая высокая ставка за время существования аукциона! Предложена для того, чтобы наша русская красавица оставалась в трусиках. Итак! Я считаю до трех! Раз…два…три…! Продана!

Ничего более жуткого я никогда в своей жизни не слышала. Меня продали. Неизвестно кому за огромные деньги! Я больше никогда не стану свободной! И самое жуткое – КТО МЕНЯ КУПИЛ?

## Глава 1

Молчание дается труднее всего, особенно когда хочется кричать, говорят, это самое сильное психологическое насилие, а я бы назвала это высшей точкой мазохизма.

(с) Ульяна Соболева. Пусть любить тебя будет больно

Меня куда-то везли. В джипе. Точнее, в багажнике этого джипа. Я лежала там со связанными руками и ногами и с кляпом во рту. Машину трясло на ухабах, я слышала голоса мужчин, говоривших на чужом языке, точнее, на нескольких языках. Мычала и билась внутри, но меня как раз никто не слышал. Или делали вид, что не слышат. В какой-то момент я поняла, что в машине сменился водитель. Кто-то другой сел за руль, так как прежний постоянно пел и слушал радио, а этот ехал в полнейшей тишине. Потом звуки стихли, даже звуки улицы, а внутри становилось все жарче и жарче, как будто меня посадили в духовку и постепенно поднимали градусы. Все выше и выше, выше и выше. Пока стало совершенно невыносимо, и от жажды не пересохло в горле. Я хотела закричать, но именно в этот момент машина остановилась. И стало еще страшнее. Я затаилась и задержала дыхание.

Багажник открыл человек в маске. Он наклонился, словно рассматривая меня. Из-за яркости солнца я видела только силуэт. Жуткий незнакомец выдернул меня изнутри, и я с ужасом увидела, что мы находимся в пустыне. Вокруг одни барханы из песка, пугающая желтизна и ярко-синее небо с безжалостным, палящим солнцем в зените. Оказывается, солнце может напугать до дрожи во всем теле. Мне почему-то показалось, что именно оно и станет меня казнить. Если только раньше этот человек не расправится со мной.

Меня грубо вытащили из машины за шкирку и швырнули перед собой. Я начала быстро отползать назад, пытаясь заслониться от лучей и рассмотреть своего мучителя.

– Кто вы? Зачем я вам? Зачем мы здесь?

Мужчина молчал, и я совершенно не видела его лица. Черная маска с прорезями для глаз и темные очки делали его похожим на манекен. Огромный и жуткий. А солнце слепило меня так, что весь его силуэт казался мне черным пятном,

нависшим надо мной, и вдруг я поняла – он меня действительно здесь убьет и бросит мое тело гнить в этих песках.

– Вы меня убьете? Да? Убьете?

Но жуткая тень показала мне жестом раздеться. Я отрицательно качнула головой, и тогда он просто разодрал на мне всю одежду. В лохмотья, на куски. Методично и как-то равнодушно безжалостно сдирал кусок за куском, пока не оставил на мне даже ниточки. Я уже не кричала. Меня сковало, как будто я вся застыла от панического ужаса. Такого лютого страха я никогда в своей жизни не испытывала. Неужели меня купили за такие огромные деньги, чтобы убить в пустыне? Или это такой ритуал у этого маньяка?

Совершенно голой он связал мне руки и привязал другой конец длинной и прочной веревки к машине сзади под багажником, а потом просто сел за руль и поехал. Достаточно медленно, чтоб меня не поволокло по песку, и достаточно быстро, чтобы мне пришлось бежать вслед за машиной.

Он сумасшедший. Я попала в руки к чокнутому психу, и он…он просто заставил меня бежать по пустыне вслед за машиной. Вначале это было не так уж и сложно, но потом солнце, усталость и жажда начали сводить с ума. Не знаю, сколько времени я вот так бежала. Но ничего более унизительного и жуткого со мной никогда не происходило.

Если вы считаете, что холод – это страшно, то вы ошибаетесь. Нет ничего ужаснее изнуряющей, монотонно жгучей жары. Когда сам воздух плавится и становится горячим, когда ноги вязнут чуть ли не в кипящем песке, а кожа краснеет и печет, потому что ее обожгло безжалостными лучами.

И жажда, она подкрадывается очень медленно, неумолимо. Вначале просто сухостью во рту, потом начинает драть в горле и болеть в груди, а потом вам просто хочется начать жрать песок, лишь бы избавиться от этих мучений.

У меня отнимались последние силы, чтобы не думать о воде, я думала о чем угодно. Я вспоминала свое знакомство с Айсбергом, я вспоминала маму и детство и неумолимо бежала за машиной все быстрее и быстрее. Чтобы догнать окно и закричать, что хочу пить, что я согласна на все, лишь бы меня отпустили, лишь бы весь этот кошмар прекратился. Меня тошнило от вида солнца, тошнило

от вида песка. Я возненавидела все это всеми фибрами своей души.

Но ведь он не убил меня… я все еще живая, и рано или поздно это закончится. Всему рано или поздно приходит конец.

Я подбежала к окну, но оно было затонировано, и что делает внутри этот жуткий человек, мне неизвестно. Постучала, но он ударил по газам и поехал быстрее. Я закричала, упала на песок, и меня потащило животом и лицом по горячему и рассыпчатому мерзкому мареву. Песок забился мне в рот, в уши, в глаза. Я тщетно пыталась встать, и мне казалось, что проклятые песчинки забились совершенно везде и трут. До крови до мяса трут меня везде, и я вся словно напитана ими.

Зачем он делает это? Зачем так издевается надо мной?

– Зачееем? – заорала я, и машина притормозила, давая мне возможность встать. – Зачем тебе это? Тыыыы! Бесчувственная тварь! Я хочу пить! Слышишь, я хочу пить! Когда меня найдут….ты поплатишься за это! Ты….тебя разорвут на части…мой любовник…мой…мой любимый, он президент, слышишь? Он меня ищет! И когда найдет…а он найдет, тебе отрежут яйца. Он меня ищет! Ясно тебе! Ищет!

Пока я орала, машина стояла, и я стучала со всех сил в окно.

– Пииить! Ублюдок! Я хочу пить! Дай мне воды!

В этот момент машина снова поехала.

– Урод! Ненавижуууу! О божеее….пожалуйстааа! Я больше не могу, не могу идти. Я устала, у меня нет сил. Отпустите…прекратите, я согласна на все…на всеееее. Прошу….пожалуйста. Глоточек воды!

Я упала от бессилия и отчаяния на колени, меня протащило вперед, и машина наконец-то снова остановилась. Дрожащая, вся в песке, с красной обгоревшей кожей. С песком даже в горле я стояла на коленях и плакала, глядя на свои дрожащие руки, на следы от веревки и на вспухшую ободранную кожу плод ней. Наверное, я дошла до той точки дикого отчаяния, когда мне самой захотелось

умереть. Пусть выйдет и пристрелит меня. Да, так будет лучше, я больше не могу, я окончательно сломлена…. Я просто хочу пить.

Дверца машины отворилась, и я увидела, как черный ботинок ступил на песок. Вздрогнула, не решаясь поднять голову. Меня всю трясло, и от дикой жажды и жары мне теперь казалось, что мне холодно, а не жарко.

Медленно мой палач подошел ко мне. Я видела, как ступают ноги по песку и оставляют следы подошв с красивым четким рисунком, как от колеса трактора.

– Значит, согласна на все?

От звука его голоса меня подбросило, и я резко подняла голову вверх.

Рука в перчатке сдернула очки и стянула маску. При виде его лица я молча закричала. Просто открыла рот, но оттуда не вырвалось ни звука.

Потому что я его узнала.

## Глава 2

У каждого счастья есть определенное время. Ничто не длится вечно. Ничто не достается просто так и без жертв. На халяву. За все нужно расплачиваться. Вот она, его расплата. Непомерно высокая и болезненная

(с) Ульяна Соболева. Пусть любить тебя будет больно

– Маршировать от бедра! Я сказал, от бедра!

Отец щелкнул ремнем у самого лица маленького Петра и ткнул его затылком вперед так, что тот клюнул носом в пол огромного зала их пятикомнатной квартиры в центре города. Майор Ростислав Батурин опять был пьян. Его

красное лоснящееся лицо склонилось над сыном, и он прорычал, выдыхая перегаром в огромные широко распахнутые темно-синие глаза, наполненные слезами:

– Маршировать, бл**ь! Встал, руки по швам и вперед! Ать-два! Ать-два! В Суворовское пойдешь, сученыш, там из тебя всю дурь выбьют. Танцевать он хочет, на пианино брынькать, в шахматки играть. Я те потанцую, танцор хренов, и поиграю! П*доров у нас отродясь не было!

И ударил ремнем по лицу, да так, что рассек бровь, и кровь залила висок и щеку. Петя не мог объяснить отцу, что он не п*дор и что ему девочки нравятся, а еще ему нравится с ними танцевать. Обнимать за талию, вести в танце, управлять, кружить. Не орать «Кроооооуууугом! Шагом марш!», а просто танцевать, двигаться и думать. Много и очень много думать. Дед Пётр когда-то научил его в шахматы играть, и с тех пор это стало его страстью. ОН играл сам с собой, играл на школьных олимпиадах, играл с мальчишками и выигрывал. Он всегда должен был выиграть. Лучше всех танцевать, лучше всех играть на пианино, лучше всех учиться. Петя Батурин был круглым отличником и младшие классы окончил с почетной грамотой.

Но отец за каждую медаль бил ремнем по спине и по ягодицам. Бил с такой силой, что оставались шрамы. Жаловаться некому. Мать всегда принимала сторону отца, с надменным видом поджимала тонкие губы, вздергивала острый подбородок и говорила:

– Ты – пацан, а пацанов воспитывают отцы. Я в твое воспитание лезть не собираюсь, а сопли вытирать тоже не думаю. Так что соберись и делай, как говорит отец.

Бабка, когда жива была, рассказывала, что Алька хотела дочку, а родился он. С множеством разрывов, с кровотечением, ее спасали несколько суток. После его рождения ей удалили матку, и детей она иметь не могла…за что «обожала» единственного сына, оставившего ее бездетной.

– Если бы не ты…у меня были бы еще детки, я бы родила себе маленькую девочку, куколку…или еще сыновей. А так ты…со своей идиотской квадратной головой разорвал меня всю. Я еще жалеть тебя должна? Кто б меня пожалел?! Выдали за Ростю…и не спросили, а я терпи всю жизнь, и тебя терпи!

Ее не смущало говорить это четырехлетнему малышу, который прибегал к ней со ссадинами и шишками, чтобы мать пожалела, а взамен получал подзатыльник, чтобы не смел реветь. Для него ее холодный взгляд был хуже майорского ремня. С какой искренней завистью маленький Петя смотрел, как матери других сыновей провожают их в сад или в школу, целуют в щеку, дают с собой бутерброды, ласково говорят «сыночек». Его в лучшем случае называли «Петька», а в худшем – «кусок дерьма». И он все свое детство пытался доказать, что он не кусок дерьма, что его есть за что любить…что его можно любить. Он не Петька….Ничего, когда-нибудь он вырастет, и они все станут его бояться. Придет день, и все узнают, кто такой Петр Батурин!

А отец бил, чтоб не зазнавался и на него свысока не смотрел.

– Щенок ты еще, на батю свысока поглядывать. Учишься хорошо? Молодец! Но это не твоя заслуга, а МОЯ! Я – майор советской армии Ростислав Петрович Батурин! Они меня боятся и ставят тебе хорошие оценки, а ты тупой и никчемный кусок дерьма! Ты сам никогда и ничего не добьешься! Без меня ты – ноль без палочки!

Его отдали в военное училище после третьего класса. Он принял клятву суворовца и понял, что теперь на самом деле родителей у него как бы и нет. Впрочем….в какой-то мере это избавило его от вечных побоев. На медосмотре врач только и цокала языком, а вторая приговаривала.

– Это ж сын майора Батурина…ну сама понимаешь, а он с Васенковым – лучшие друзья. Так что молчи лучше.

– Так на нем места живого нет. Его же избивали, я должна донести куда надо и…

– Донести она должна! Молчи, дура несчастная. Донесешь и без места останешься. Может, заслужил. Откедова знаешь. Смотри, глаза какие дикие, волчьи у него. Зыркает как.

Генерал Васенков – приближенное лицо самого президента. А дочка Васенкова вхожа в дом Батуриных и выросла вместе с Петькой. В одном классе училась. Мымристая такая, с косичками, вечно ни одну девочку к нему не подпускала и всегда рядом с ним сидела.

«Наши отцы дружат, а значит мы, как брат и сестра, и я всегда должна быть рядом». Он не хотел, чтобы она была рядом. Она его раздражала….но за ссоры с Людочкой отец снова бил. Поэтому Петя просто молча ее терпел, а целовал за школьным двором Таньку с рыжими косичками и карими глазами.

Теперь он мог забыть о Тане и о своих школьных друзьях, пребывание в училище было круглосуточным, а режим, как в армии: в 7 утра – подъем, зарядка, умывание, завтрак, после чего 6 часов занятий, затем обед, личное время, выполнение домашних заданий, ужин и отбой.

Все предметы точно такие же, как и в школе в обычной, но еще и военная подготовка и…его любимые танцы, а также культура, этикет и многое-многое другое. Все остальное, как в казарме. Наряды по очереди и в наказание вне очереди. В роте, по столовой, по плацу. Обычные каникулы назывались отпуском, а после первого курса все уезжали в летний лагерь.

Вначале Петьку чмырили, даже пытались бить. У них свой костяк образовался, и Петьке там было не место. Вожак – Костя, все его приколистом называли. Он и женщин с дерьмом мешал, и девочек бил. Та еще тварь. Взъелся на Петра за то, что тот всегда и везде первый. Подбил темную ему устроить. Устроили. Избили. А когда Петька с лазарета вышел, то первым делом на футбольном поле подошел к Приколисту и…откусил ему нос. Завалил на землю, придавил и изо всех сил впился зубами в переносицу.

Нос так и не пришили. Приколист остался без носа в прямом смысле этого слова. Петьку отмазал отец. Наконец-то сделал то, в чем так долго и упорно упрекал своего сына. Но зато Батурина не просто боялись, теперь его обходили десятой дорогой. Ему даже кличку дали Сатана.

В выходные курсантов отпускали домой, но Петя обычно оставался в казарме. Домой ему ехать не хотелось. Месяцами без ремня жилось весьма и весьма неплохо. Но иногда все же приходилось выезжать…

Ему тогда исполнилось шестнадцать, он поехал домой, и это был первый раз, когда Петр перехватил отцовскую руку с ремнем и заломил ему ее за спину.

Лицо майора побагровело, потом позеленело, а через секунду он упал и потерял сознание. Инсульт. Парализовало половину тела. Естественно, во всем был

виноват Петька. Кусок дерьма, осмелившийся поднять руку на отца, а не водка и лишний вес.

Бить отец перестал…физически, зато прекрасно бил морально. И когда поступил в военный университет Министерства обороны, и когда закончил с отличием, и когда первое звание получил. Неизменно оставался куском дерьма.

Потом, когда отец умер, он так и остался куском дерьма для Алевтины Ивановны. Не сыночком, не Петенькой, а Петькой или кусок дерьма.

А он…он ее любил. Потому что больше некого было любить, потому что не знал, что любовь бывает другой. Она была единственной, кого он любил на самом деле всю свою жизнь…пока не увидел в одной вонючей гостинице девочку с огромными зелеными глазами и черными косами.

Но это случится намного-намного позже. Вначале мать заставит его жениться на дочери Васенкова – Людмиле. Той самой Людмиле. И благодаря этому браку Петя получит новое звание, а потом и станет тем, кем всегда хотел стать – ХОЗЯИНОМ всех этих…кто смели называть его «куском дерьма».

## Глава 3

Мне казалось, что все, что происходит сейчас вокруг, не может быть реальностью. Не может. Так, будто ты находишься в каком-то гребаном зеркальном лабиринте, липкой паутине, мечешься, бежишь куда-то, суетишься, но все это – чья-то изощренная и тщательно продуманная игра. Игра человеческими жизнями. А мы, как пешки, снуем по этим коридорам, комнатам без окон и с сотней выходов, не зная, куда свернуть и что нас ждет в следующую секунду.

(с) Ульяна Соболева. Паутина

Кузьмин заподозрил неладное с самолетом еще до того, как объявили о поломке. Предложил ехать в гостиницу на других машинах, а на самолете

полетит дублер, так сказать. Заодно проверит – поломка случайная была или… Для «или» существовали обученные люди, готовые заменить главу государства в любой момент и в любом месте.

А они с Александром поехали с минимальным штатом охраны в местную гостиницу, где, как сказал Кузьмин, мышь не пробежит без его ведома, и где он знает каждую подворотню.

Это было забавно вдруг оказаться в мире простых смертных, ехать проселочными дорогами, понимать, что тебя ждут далеко не самые лучшие условия, а еще ощущать смертельную усталость.

Допинг закончился, батарейки сдохли, и он просто хотел расслабиться. НЕ оглядываться по сторонам, не смотреть на начальника личной безопасности. Быть самым обыкновенным человеком. Оказывается, иногда этого чертовски не хватает.

– Гостиница местечковая местного олигарха. Вас вряд ли узнают сразу, а если и узнают, охрана будет проставлена со всех входов и выходов. Останетесь на ночь. Утром будет второй самолет, на том, что был в ремонте, не полетите.

– Кузьма, мне по хрен. Я устал. Займись этим сам. Я голоден и хочу спать.

Кузьмин притих и тут же заткнулся. Перечить Хозяину нельзя. И смотреть на него, когда у него вот такое херовое настроение, тоже нельзя. Лучше заткнуться и делать, как сказал. Ему главное, чтоб в безопасности был, а поломка двигателя перед самым вылетом Кузьму сильно напрягла.

В случайности он не верил. Никогда. Поэтому всегда есть план «б», и план «г», и даже «д». Пока что хватило и плана «б».

Петр хотел только одного – поужинать и лечь в постель. Снова начиналась предвыборная гонка, до конца срока оставалось менее года. Опять поездки, реклама, встречи, пресс-конференции. Этот срок должен быть его и только его. По предварительным данным Батурин лидирует, и так и должно оставаться. Сейчас начнется…Рытвин стучит копытом и гребет под него, местная олигархатня пытается пресануть и вложиться в конкурентов, хер его знает, кому верить, а кто засланная или перевербованная крыса.

И скосить всех одним махом нельзя. На него слишком пристально смотрят…Пока нельзя. Но головы полетят. Постепенно и по одной эти головушки красиво будут скатываться в братскую могилу, которую он им подготовил.

Пиликнул сотовый. Смс от Люды.

«Когда ты прилетишь? Мне сказали, ты другим рейсом. Все хорошо?»

«Все отлично. Ложись спать»

И отключил сотовый совершенно. Последнее время начала раздражать чрезмерной заботой. Обычно он всегда терпел. Привык за столько лет. Вымуштрованный, вышколенный, никогда и ни одной эмоции. Все в себе. Бывало, трахнет ее, лежит рядом и в потолок смотрит. А она ляжет к нему на плечо и тихо так говорит:

– Сколько лет живу с тобой, Петя, так и не знаю, о чем думаешь, чем дышишь, что любишь. Так и не стала тебе родной.

– Спи. Я тебя пять минут назад трахал так, что куда роднее.

– Машинально…долг исполнял. Как всегда, по чертовым проклятым пятницам, с презервативами.

– Я больше не хочу детей, Люда. Нам хватит двоих. Нам бы хватило и одного. Мне бы хватило. Все. Я устал и хочу спать.

– Ты бы хотел… а я, чего хочу я. Почему ты никогда не спросишь?

Не глядя на нее, закинув руки за голову отрезал:

– А ты, Люда, хотела стать моей женой и первой леди страны. Ты стала. Большего я тебе не обещал.

– Ты мог бы….за столько лет хотя бы немножко меня полюбить.

– Не мог бы. Ты сама знаешь. Все. У меня завтра поездка на Север, встреча с шахтерами вживую. Мне туда херову тучу часов лететь, а ты решила выяснить отношения. Я плохо тебя отымел? Мало? Стань раком, я отымею еще раз.

– А у тебя встанет? – зло спросила она.

– Если хорошо отсосешь – встанет.

– Ненавижу тебя.

Вскочила с постели и выбежала из их общей спальни, а он наконец-то спокойно уснул. Сосать Люда не умела и не любила. Сосала плохо, член никогда не заглатывала, а только лизала, как мороженое. Обычно не всегда ставил ее на четвереньки, пристраивался сзади, закрывал глаза, представлял порно-звезду или абстрактных шлюх и драл ее долго и умело, подергивая за клитор так, как она любила, двумя пальцами. Она кончала, он тоже, и на этом пятничный марафон заканчивался.

Он бы ее и не трахал…давно мог не входить в ее спальню, но надо было. Кузьма советовал вести такой образ жизни, чтоб ни одна тварь не придралась. Чтоб семьей выглядели красивой, крепкой, чтоб якобы любили друг друга. А для этого баба должна быть оттраханной. «У оттраханной бабы, Хозяин, взгляд другой. Как у сытой самки. А сытую самку народ чует за версту. А если муж имеет, значит самец, альфа, значит может и стаей править.»

Помимо Люды он иногда находил себе…Точнее, Кузьма ему находил. Неболтливых, тихих, готовых на все. Если много разговаривали, им закрывали рты навсегда, а правильным и умным выплачивали такое пособие, что рты у них сами на замках держались.

Обычно одна такая всегда ехала с ним в поездку. Не вместе, конечно, а под видом секретаря, стюардессы, переводчицы. Ночью он ее драл так, что перья летели во все стороны, а утром она куда-то испарялась. Были и постоянные. Кто задерживался на пару дней-неделю. Для таких и существовал загородный дом.

Ему нравилось везти их именно туда…где ОНА правила царством. Где у НЕЕ все было под контролем, и она всегда считала, что контролирует и его жизнь тоже. Когда ему есть, что есть, когда и во сколько спать. Она привезла его к Эллен и

оставила там на неделю, чтобы ее престарелая подружка трахала ее сына и учила премудростям в сексе. Чтобы даже его первая женщина была той, кого нашла ему великая и непревзойденная Алевтина.

– Ты влюбишься в Эллен. Все мальчики влюбляются в своих первых женщин.

Она ошиблась. Он не влюбился. Он использовал. Он отработал на этой старой шлюшке, которую тем не менее весьма уважал, все извращенные способы секса. Он порол ее, он трахал ее в зад, в рот, трахал вместе с однокурсником, дарил своим друзьям на день рождения, а потом…потом он ее выкупил и оставил себе. Но уже не для того, чтобы трахать, а для того, чтобы она была рядом…ведь эта старая сучка преданно и беззаветно его любила. Она, пожалуй, оказалась единственной женщиной, которая смогла полюбить Петю…Она называла его ласково Пьер и всегда, абсолютно всегда была ему рада…и взамен…взамен он привык к ней, он даже начал в ней нуждаться, и он всегда и неизменно заботился о ней, а она…она заменила ему мать. Потому что во многом оказалась лучше ее.

На каком-то этапе его преданная и фанатичная любовь к матери превратилась в жгучую ненависть. Говорят, нет любви сильнее материнской и сыновьей…так вот, и ненависти сильнее тоже нет. Она умирала в одиночестве. Он не приехал ее проведать, не приехал попрощаться и на похоронах пробыл всего десять минут. После ее смерти он оттрахал на ее постели проститутку, утром вышвырнул все ее вещи, а все альбомы с фотографиями спрятал к такой-то матери в дальний шкаф.

Если женская любовь именно такая, то видел он ее в гробу вместе с Алевтиной Батуриной.

Но любовь оказалась иной….Нет, она оказалась не просто лицемерной и лживой тварью, она оказалась подлой и коварной сукой с длинными черными волосами и огромными зелеными глазами.

Она вошла к нему в номер с подносом и…и предложила купить ее тело.

Это было молниеносно. Примерно так же человека прошибает пулей прямо туда, где дергается тот кусок мяса, который врачи называют сердцем. Он ощутил примерно то же самое, когда она вошла и тихо, но очень нагло сказала:

– Купите меня, пожалуйста. – нервно дергая пуговицу на платье. На ней было идиотское платье, безвкусное, какого-то выцветшего оттенка, но ему хватило только звука ее голоса и просто одного взгляда, чтобы ощутить, как вздыбился член и запульсировало в висках непреодолимое ХОЧУ ЕЕ СЕЙЧАС. Купить, украсть, увезти, раздавить, смять, ломать. Все ХОЧУ.

– Я хочу уехать с вами.

Он смотрел на нее и осознавал, что с ним происходит что-то до отвращения сумасшедшее, его охватывает лихорадочной дрожью. Он должен ее увезти. Словно ему поднесли нечто очень дорогое, нечто соблазнительно-сумасводящее и предложили разодрать это на части за копейки.

Разодрать за то, что смотрит на него, как на мешок с деньгами. Смотрит наивно, но очень цинично. Маленькая, красивая и такая дешевая шлюха со смазливой рожей. Его передернуло от презрительного отвращения и одновременно от едкой и неуправляемой волны похоти. От ощущения собственной запредельной власти, ему еще никогда вот так нагло себя не предлагали. И он захотел взять. Все, что она могла бы и не могла бы ему дать.

А ведь боится, чувствует, как в нем просыпается зверь, чувствует, как растет алчность внутри его тела и как начинает жечь глаза от адского желания.

Смотрит на него…своими чертовыми, яркими зелеными глазами. Сочными, как весенняя листва под дождем.

Увидела обручальное кольцо… Ну что, насколько ты алчная маленькая сучка? Тебя это остановит? Покраснела, но не отступает, а он смотрит, как этот румянец заливает алебастрово-белые щеки, тонкую шею, ключицы, и дрожит. У него кончики пальцев нервно подергиваются. Представил, как сдерет с нее одежду, и еле сдержал хриплый стон.

– Отчим продаст меня Чумакову за документы на водоем. Продаст старому, женатому мужику в содержанки сегодня ночью.

– И?

Он хотел, чтобы она молчала, чтобы перестала разрушать это дикое очарование собой, чтобы не мешала, не портила этот момент осознания…что вот оно. То самое. Бешеное, адское, первобытное. Вот оно стоит перед ним и называет гребаную цену за счастье, и он готов заплатить.

– Купите меня у отчима. Я хочу принадлежать вам, а не Чумакову. Вы можете. Я знаю.

Хренов сутенер этот отчим. Уже завтра паршивую собаку вышвырнут из города, а гостиницу продадут. А второй, как там его…Чумаков? Решил купить себе девочку…из него самого сделают девочку на зоне. За что упрятать, Батурин придумает. У таких всегда найдется вагон причин сесть за решетку.

– Почему я, а не тот? Чем я отличаюсь?

Пробил Чумакова по базе в ноуте и ухмыльнулся. Потом снова посмотрел на нее, и дух захватило, стиснуло внутри ребра и больше не отпускало. Как очаровательно она краснеет. Даже кончики ушей стали красными, а у него член уперся в ширинку, и яйца поджимает от бешеной похоти. Он словно не трахался сотню лет.

– У вас больше денег и вы моложе. А еще вы можете увезти меня отсюда.

– И? Что ты будешь делать дальше? У тебя есть, к кому пойти в столице? Есть деньги?

– Нет. У меня никого нет, денег тоже нет. Я хочу жить за ваш счет.

Оооо…за его счет ей придется не просто жить. За его счет ей придется стать для него домашним ковриком. И на контрасте – отвращение к маленькой проститутке и жгучая страсть. Он с упоением представляет, как будет покрывать этот коврик и подминать под себя. Она никуда не убежит…она будет всецело его.

Сказала с вызовом и слегка вздернула подбородок.

– Почему ты вообще решила, что я нуждаюсь в твоих услугах?

И сам прекрасно понял, что нуждается. Если не хуже…она ему необходима, чтобы ощутить это чувство срыва в бездну и то, как Сатана внутри довольно прогибает спину и скалится. Он почуял жертву.

– Зачем ты мне? Я могу купить кого-то намного лучше тебя.

А сам понимал, что нет, не может. Что до сих пор до этого дня не видел никого лучше…Разве что однажды, давно. У нее тоже были длинные черные волосы и зеленые глаза…но тогда его так не пронизало как сейчас. Тогда всего этого он не ощутил. Ему нравилось словесно давать ей пощечины, нравилось, как заливалось краской ее лицо. А еще ему до безумия нравилось, что в отличие от всех – эта девочка не знала, кто он такой. Не притворялась, что не знает, а именно не знала. Он не видел в ее глазах суеверного страха, не слышал в ее голосе дрожи. Она если и боялась его, то, скорее, как незнакомого мужчину.

– Я красивая, со мной не скучно, я умею быть покорной и угождать.

– Не льсти себе. Таких по стране миллионы. Чем ты отличаешься от них?

Отличается всем. И этими ненакрашенными огромными глазами с длинными черными ресницами, и этими бровями вразлет, нетронутыми косметикой, и этими пухлыми по-детски изогнутыми коралловыми губами.

Откинулся на спинку кресла и покрутил в пальцах массивный бокал с янтарной жидкостью. Она снова смотрит на его руки, а ему до боли в костяшках захотелось к ней прикоснуться. Какое-то время он позволил ей себя рассматривать, чувствуя возбуждение на грани фола от одного этого взгляда и понимая, что сейчас она лихорадочно думает, что ему сказать. Как продать себя подороже. А ведь могла попросить денег, попросить взять в прислуги, уборщицы, да кем угодно…Но нет. Она предложила себя трахать, и он собирается это сделать прямо сейчас.

– Я – девственница, и ко мне раньше никто не прикасался. Нигде. Я даже не целовалась. Этим я отличаюсь от других. Вы будете первым. Во всем.

– Выстави свою девственность на продажу в интернете, может быть, ее купят. Сейчас это модно.

Отпил виски и замер…Ему нравилось ее унижать, а еще он блефовал и решение уже давно принял. Когда сказала, что девственница, член напрягся еще сильнее, стал каменным, и стояк начал причинять почти болезненные ощущения. У него никогда не было целки. Ни разу. Никогда не было той, кого бы никто не тронул…Даже Людочка, сучка, оказалась пользованной. Но его это мало тогда волновало, а сейчас всколыхнуло так, что в паху запекло.

– Так быстро не купят, а мне надо сейчас. Я буду делать все, что вы захотите. Абсолютно все. Стану вашей вещью, куклой, рабыней. Исполню любое ваше желание, только купите меня у него и увезите отсюда, пожалуйста! Неужели я вам совершенно не нравлюсь?

В эту секунду его терпение лопнуло, и он совершенно потерял контроль. Ему надоело играть с ней, вываливать свою добычу в грязи. Он захотел ее сожрать. НЕМЕДЛЕННО.

– Разденься наголо.

Как сильно она вздрогнула. Что, не ожидала? Он сам от себя не ожидал, но похоть уже поглощала его всего, она просочилась ему под кожу, она вздула вены жгутами и заставила кровь закипеть. Он хотел эту нетронутость, хотел ее девственность. Хотел взять то, что она предлагала, и сделать полностью своим. Да…это было потребительское ощущение. Это была страсть, которую испытывают к вещи. К новой, завернутой в обёртку, желанной до безумия вещи, которую никто и никогда не трогал и не тронет кроме него самого. И он хотел ею попользоваться до трясучки во всем теле.

Тогда он еще не представлял, какой одержимостью он воспылает к этой девчонке.

– Сними с себя всю одежду, распусти волосы и встань на колени. Вот здесь, у моих ног.

– Зачем?

– Я буду тебя трахать. Разве ты не за этим пришла в мой номер?

– И как я могу быть уверена, что вы выполните свою часть сделки после того, как…?

– После того, как я тебя трахну? Никак. Ты собралась стать моей вещью, а перед вещами не отчитываются. Раздевайся или уходи.

И он бы ее уже не отпустил. Это тоже было блефом. Он бы сцапал ее, завалил на пол или зажал у стены, и взял бы насильно. Потому что только эта девочка разбудила в нем голодное и жадное животное.

## Глава 4

Я ощутила, как между нами разверзлась пропасть. Она невидимая…но я ее вижу. Я даже вижу, как из-под моих ног вниз летят камни, и я вот-вот сорвусь, чтобы там, на дне, разбиться насмерть. И мне вдруг привиделось, что когда я буду умирать, истекая кровью, он будет смотреть сверху и хохотать…

(с) Ульяна Соболева. Паутина

Он стоял надо мной. Огромный, сильный, ужасно большой и такой реальный. Кто еще мог проникнуть на яхту, где даже мышь не проскочила бы? Кто еще мог бы поставить на колени всех, включая пограничников, и всю эту свору торгашей человеческим телом?

Только ОН. Как сам Сатана из преисподней стоит надо мной. Впервые совершенно один. Без охраны, без вечного сопровождения и без костюма. Он скорее похож на бандита. В черной футболке, потертых джинсах с развевающимися на сухом ветру волосами. Какой же он жуткий и красивый. Как сильно впали его глаза, и чернеют круги под ними, делая их еще больше, как заросла его щетина, как стискивает он челюсти и сжимает кулаки.

Его рот дьявольски подергивается, ноздри раздуваются. Нет, он больше не Айсберг – он ОГОНЬ. Он горит и смотрит на меня так, что я сейчас сгорю сама.

– Сука!

Красиво и отчетливо. Так отчеканено ярко. И за шею рывком наверх, животом на затянутый брезентом капот…..будь это железо, я бы ошпарила себе кожу. Но я и так, как ошпаренная. Я и так вся сгорела живьем от одного понимания – ОН МЕНЯ НАШЕЛ И КУПИЛ! И…он меня так же жутко наказал.

Наверное, мне хотелось кричать…Я вдруг осознала, что только что упала в бездну, точнее, я упала в нее тогда, когда вошла в тот номер гостиницы. И, нет, нет страшнее палача, чем тот, кто стоит сейчас сзади и держит мою голову железной рукой, придавленную к капоту. И я не знаю, спас он меня или приговорил. Нашел или только что безвозвратно потерял. Я рада… и я безумно испугана. Я не знаю, что сулит мне его безграничная ярость, а я прочла ее в темно-синих, штормовых глазах, вместе с приговором, вместе с черной и мрачной злостью и….в это трудно поверить – злорадством. Словно ему нравилось видеть меня такой. Голой, униженной, стоящей перед ним на коленях, с обгоревшей на плечах кожей, умирающей от жажды.

Это спасение или казнь? У меня нет ответа. Но какая-то чокнутая часть меня рада, что это он. Мазохистски, больная, неприемлемая, непонятная никому кроме меня самой…да что и себе врать – непонятная и мне. Это ведь диагноз. Меня никто и никогда не поддержит, никто не поймет… и не примет. Потому что во всем виновата только я сама.

Сейчас я не понимаю, как мне хватило смелости сбежать от него, каким чудом я надеялась скрыться. Он же страшнее всего этого синдиката вместе взятого, он же могущественен, как сам Дьявол. И мне захотелось истерически засмеяться, но вместо этого я заплакала.

– Ты! Принадлежишь! Мне! Я! Тебя! Купил!

Шепчет мне на ухо и распластывает сильнее по капоту, наваливаясь сзади.

– Я искал тебя, суку, в каждом вонючем углу этого долбаного земного шара!

Его пальцы впились мне в волосы и сильно сдавили их на затылке, собирая в пятерню.

– Простиии.

– Прости?

Я осознаю, что совершила ошибку, я осознала это уже тогда, когда поняла, что меня зверски обманули, что мной воспользовались. Я осознала, что вытворила и в какую бездну ужаса себя погрузила.

– Прости…, – чувствуя, как слезы пекут глаза, и понимая, что не простит.

– Я купил полмира, чтобы тебя найти, а ты говоришь мне еб***е прости? Я платил каждому вонючему клерку…да и по хер на деньги. Я тебя искал в каждой подворотне, в каждом борделе, в каждой проезжающей машине! Долбаная дрянь!

Ткнул сильнее лицом и навалился сверху, скручивая мои волосы в узел и выдыхая над моим ухом.

– Двадцать четыре на семь!

Звяканье змейки и ремня. И я понимаю, что сейчас он меня накажет, что сейчас он будет трахать меня обожжённую, голодную, сдыхающую от жажды на этом вонючем брезенте, помечая своим потом, ставя на мне клеймо и прижигая своей спермой.

– Двадцать! – одним толчком водрался внутрь по сухой плоти, заставив зажмуриться и застонать. – Четыре! – вторым толчком выбивая сухой всхлип. – На! Семь!

Да… я гребаный приговоренный, который признал свою вину, раскаялся и готов понести наказание. Я хочу его принять из его рук, хочу, чтоб это был он, а не кто-либо из чужих людей, кто-либо купивший меня….О Боже! Это ведь он…он меня нашел и купил…Сумасшедший, чокнутый психопат действительно перевернул весь мир!

– Ты! Сука! – долбится сильно и резко. – Ты понятия не имеешь, что я пережил за эти дни! Гребаная тварь! Сколькие сдохли из-за тебя! И еще…сдохнут!

Сорвался на крик и начал вонзаться, как бешеное животное. Мне больно…мне больно…но я готова терпеть. Для меня это не насилие, это наказание. И я облизываю шершавым языком пересохшие губы и терплю. Потому что готова терпеть, потому что лучше всего произошедшего может быть только это. Только он во мне. Только я с ним.

– Тыыыы! Сделала! Мне! Больно! – проревел в затылок и зажал его зубами, вбиваясь всем своим огромным членом в сухую плоть, втискиваясь в нее, вдираясь с такой отчаянной силой, что я ломаю ногти о брезент и чувствую соль своих слез на губах.

Пока он не кончает во мне. Глубоко и сильно, стискивая пальцами мой зад, оставляя на нем следы от пальцев и от ногтей. Мне даже кажется, что я слышу, как он рыдает, таким яростным воплем взрывается его оргазм.

Какое-то время еще держит меня вдавленной в капот, какое-то время все еще торчит внутри меня, удерживает зубами кожу на затылке и мычит в последних судорогах оргазма.

Потом медленно отпускает. Я опустошена, обессилена и убита. У меня дрожат уставшие колени, болит кожа, сухо в горле. Я лишь прикрываю мокрые от слез ресницы, потом чувствую, как он подносит флягу с водой к моим губам, и жадно бросаюсь на горлышко, но меня держат и не дают отпить.

– Уйти от меня ты можешь только голой, только босиком и…, – наклонился к моему уху, – только на тот свет! Или когда я сам тебя вышвырну на помойку! Поняла?

Кивнула.

– Скажи: «Я поняла, Петр!»

– Я поняла, Петр…поняла…поняла…

Рыданием впиваясь во флягу, и он запрокидывает мою голову, чтобы дать вволю напиться.

Потом поднимает на руки и бережно вносит в машину, укладывает на переднее сиденье. В машине работает кондиционер, и мне становится моментально холодно. Меня накрывают мягким одеялом.

– Прошу тебя, прости меня… я не хотела вот так. Прости…умоляю….мне страшно…

И в полумраке машины с затемненными окнами мне кажется его лицо и зловещим, и прекрасным одновременно. Я понимаю, что люблю его и смертельно боюсь. Понимаю, что он мог и хотел убить меня за то, что я сделала, и не…убил. Почему? Наверное, ответ крылся в его единственных словах «Ты сделала мне больно!» Возможно, это самое лучшее, что я когда-либо услышала от него или еще услышу. Разве можно причинить боль куску льда…но его признание в этой боли сродни признанию в любви. И мне тоже больно. Физически, морально, везде. Больно от осознания, что это далеко не хэппи энд, и от уверенности, что его не будет у нас с ним никогда.

Как же он пугает меня и притягивает к себе, непреодолимо еще сильнее, чем раньше. Особенно вот этим жутким взглядом, в котором уже рвет меня на куски…но что-то сдерживает его, и он гладит меня по голове.

– Все…я забрал тебя. Ты со мной. Постарайся поспать, пока мы едем.

Его руки обхватывают мои плечи и склоняют меня к себе на колени, так, чтоб моя голова легла ему на ноги, и я ощутила, как напрягаются его мышцы, когда он жмет на газ.

– Я тебя забрал…мою девочку. Только мою…только…мать вашу, мою!

Какой сладкий у него голос, какие сладкие эти слова «мою девочку»…наверное, ради них я могла пройти босиком по песку еще чертовую тучу времени. И какая-то часть меня понимает, что это черная дыра, это же на самом деле конец. Я иду ко дну. Я тону и растворяюсь в этом жутком человеке. Я растворяюсь в своей больной любви-ненависти и прощаю ему то, что прощать нельзя. Я рада, что, сбежав от одних палачей, я попала в руки к более страшному из всех…Но что еще страшнее – этого я люблю. И…я действительно не могу без него жить. Но смогу ли я жить с ним, или это и есть тот самый цейтнот?

Он привез меня в гостиницу на берегу моря. Если нас и сопровождала охрана, делали они это очень осторожно и незаметно. Потому что у меня впервые создавалась иллюзия, что мы одни. Оказывается, вот этого самого ощущения мне ужасно не хватало. Обычного, человеческого уединения.

Привычная роскошь вновь вернулась в мою жизнь. Роскошь и чистота. В номере он занес меня в ванную и долго мыл…очень осторожно, почти лаская, почти не касаясь моей обгоревшей кожи мягкой губкой, только пальцами и мыльной пеной.

Я все равно плакала. Мне кажется, от счастья. Наполненная радостным облегчением и потерявшая бдительность рядом с ним. Таким нежным, таким необычайно осторожным. Даже его взгляд казался мне новым. Страждуще-тоскливо-горящим. Можно подумать, что он сильно соскучился и не скрывал этого, и я верила. Да, я верила этому взгляду, потому что мне уже давно больше нечему и некому верить. Потому что вот этот палач – он же и мой единственный друг. Мой любовник, брат, отец.

И во мне вдруг возродилась надежда, что между нами нечто большее…что у нас …у нас, как невероятно и прекрасно это звучит. У нас чувства. Мы оба, как моральные инвалиды, не знаем, что с ними делать. У нас с детства атрофия эмоциональной привязанности, и когда она вдруг возникла, мы решили обрубить ее до мяса и искромсали друг друга.

Сейчас я готова была поверить, что он тоже страдал.

Завернутую в огромное полотенце меня вынесли из ванной и уложили на ароматные чистые простыни, а затем его шершавые и горячие пальцы втирали в мою кожу прохладную мазь. Мы оба молчали.

Счастье оказывается не веселое, не тарахтящее и блестящее, оно очень тихое, трогательно-пугливое и осторожное.

– Мне обещали, что волдырей не будет.

Тихо сказал, склонившись ко мне и проводя большим пальцем по моей скуле. Его глаза – два огромных, кипящих океана с белоснежной пеной белков,

окружающей ярко-синюю радужку.

– Наверное, я заслужила парочку волдырей.

Усмехнулся и, вдруг наклонившись к моим губам, нежно облизал их одну за другой, очертил их контур кончиком языка.

– Я натру тебе совсем другие волдыри, Марина. Обещаю.

И улыбается, так улыбается, будь он проклят, что я забываю, как дышать. И мне больше не хочется броситься прочь, спрятаться, сбежать от него на другой конец света. Мне кажется, в его взгляде появилось нечто новое, совершенно непохожее на все его другие взгляды на меня. Или…или я просто маленькая идиотка. Скорее всего, последнее, но как же сильно хочется верить, что между нами что-то изменилось.

– Ты меня накажешь?

– Еще как накажу. Я буду наказывать тебя сутками напролет!

Наклонившись еще ниже и погладив мои бедра, он рывком развел мне ноги в стороны, наклонился между ними, а его проклятый умелый язык заскользил, извиваясь, между моими нижними губами, обвивая клитор и жадно ударяя по нему.

– О, Господи! – всхлипнула и, изогнувшись, впилась руками в простыни. Я застонала и закатила глаза от наслаждения настолько острого, что казалось, я сейчас умру. Горящее тело приятно холодило от мази, и это контрастировало с обуревающей меня лихорадкой.

– Дааа, я твой Бог, Марина…никогда не забывай об этом!

Петр сильно и быстро вылизывал меня там, скользил по влагалищу, чуть покусывая клитор, обхватывая его губами и посасывая, как раньше делал это с моими сосками. Казалось, его губы скользят по моему узелку, как по напряженному донельзя стержню. Двигая на нем воспаленную кожицу.

Мужской рот полностью поглощал мою промежность, вбивался внутрь и снова трепыхался на чувствительно вздувшихся складках. Оргазм был острым, быстрым и ослепительным. Я буквально ощутила, как из меня потек вязкий секрет удовольствия и как он, причмокивая, высасывал его из меня, заставляя кричать все гортаннее и сильнее.

Меня лизали и лизали, не давая передышки, меня зализывали до такой степени, что от чувствительности мой клитор болел, как оголенный нерв, но палач не переставал мучить и ласкать, выдирать оргазмы и лизать. То нежно, то кусая, то грубо и сильно-шершаво, но так долго, что я потеряла счет времени. Пока не ощутила, как вошел в меня сильным толчком. Охнув, я очень громко и протяжно застонала, потому что изнутри мое тело как будто заждалось этого вторжения и благодарственно затряслось, когда огромный член растянул его изнутри мощными толчками.

– Да, Марина, кричи…до хрипоты. Я хочу, чтобы ты орала для меня.

Когда его голос произносил мое имя, мне уже хотелось кончить снова.

Он трахал меня то очень медленно, то зверски быстро, вдалбливаясь в совершенно мокрую от его слюны и от моих соков промежность. Я хлюпала и шлепала настолько пошло и грязно, что мне хотелось сгореть от стыда и от безумного возбуждения. Мои бедра с внутренней стороны были полностью мокрыми.

Это было невероятно прекрасно. Невероятно в контрасте с тем нападением на капоте его машины. Подхватив меня под ягодицы и приподняв поясницу над кроватью, сидя на коленях, он вдалбливался в меня все сильнее и мощнее, выгибаясь назад, накрыв мои груди ладонями. Я видела его сильное, напряженное тело, изогнутое назад, с напряжённым прессом и торчащими зернышками сосков. Прекрасен, как бог или как сам дьявол.

И снова подался вперед, опираясь на руки, наклоняясь к моему лицу.

– Затрахаю суку до полусмерти. Мою суку. Скажи, что ты моя сука.

Тон не понравился, и очарование резко испарилось, а он вдруг схватил меня обеими руками за горло и водрался так сильно в мое тело, что я ощутила толчок

его головки маткой и выгнулась от болезненного ощущения.

– Сука…которая больше не посмеет сбежать от своего хозяина!

Руки сжались на моем горле сильнее.

– Говори! – зарычал, исказив лицо мне прямо в губы. – Говори!

– Сука, – прохрипела я, и он задвигался еще быстрее, так быстро, что я вся задергалась от толчков и вдруг резко кончила, выкрикивая под его напором. – Твоя сука!

– Даааа, бл***ь!

Я с такой силой стиснула его член мышцами влагалища, что он закричал, взвыл, исторгаясь в меня со всей мощью, впиваясь губами в мой рот и ослабевая схватку на моем горле.

Снова опустился поцелуями вниз, припал к моей промежности и, всосав в свой рот мой клитор, сильно и быстро заработал языком, продолжая держать меня за горло.

Я кончила через несколько минут интенсивных ласк, забилась в его руках потрясенная силой своей отдачи и возбуждения. Ненавидя себя за это и в то же время ощущая счастливо опустошенной. А он вдруг завладел моим ртом, отдавая наш общий вкус моим губам.

– Запомни, девочка, ты – только моя сука. И если ты еще раз попытаешься сбежать, я сниму с тебя кожу и посажу на цепь во дворе, как собаку!

Он говорил ласково и вкрадчиво, но по его глазам я видела и четко понимала – он не шутит. И это не аллегория.

## Глава 5

Секунды, минуты, часы. Длиной в вечность и неизвестность. Я ждала. Это самое невыносимое – ждать. Нет, именно его я могла ждать бесконечно долго. Но сейчас я ждала НАС. Будем ли МЫ еще или НАС уже нет?

(с) Ульяна Соболева. Паутина

В Израиле мы пробыли еще несколько дней. Волшебных и совершенно необыкновенных. Я ожидала, что мы поедем обратно в тот дом, но Римузин*1 с новым водителем вез нас в совершенно другое место. С кабиной нас разделяла звуконепроницаемая черная перегородка. Вместительный салон, похожий скорее на комнату, чем на салон авто. Мини-бар, широкие кресла из черной мягкой кожи, черный ворсистый ковер на полу и совершенно затонированные стекла.

– Куда мы едем?

Спросила я, прислонившись к нему всем телом в машине, склонив голову на плечо и чувствуя, как он напрягся, когда я погладила его запястье большим пальцем, и отнял руку. Я уже заметила, что его напрягало любое проявление ласки с моей стороны. Как будто она ему неожиданно неприятна или даже пугает и отвращает. Но иногда сложно удержаться, особенно когда тебя сжирают эмоции. А меня рядом с ним раздирало от этих эмоций. Каким-то непостижимым образом этот человек пробрался в мои мозги и заразил меня тем самым пресловутым Стокгольмским синдромом. С одной лишь разницей в том, что это я сама добровольно пришла к нему и продала всю себя с потрохами.

– Какая разница. Тебе важно, куда мы на самом деле едем?

Действительно. Какая разница. Для меня это ничего не изменит. В новую будку для его суки, или в гостиницу, или еще куда-то. Он ясно дал мне понять, что права голоса мне никто не давал. И все мои выбрыки не привели ни к чему хорошему. Меня вдруг посетила мысль, что теперь будет намного хуже, что это будет не его дом, а не знаю, усадьба Синей бороды или людоедская будка… а что, если меня везут в лес и там…там закопают живьем. Он ведь говорил, что мое наказание еще даже не начиналось, что на самом деле он только играется.

– Помнишь, я говорил тебе, что многие люди пострадали из-за твоих выходок, Марина?

Судорожно сглотнула и посмотрела ему в глаза. Как же можно одновременно так восхищаться им, сжиматься от судорог удовольствия от понимания, что вот этот мужчина касается моего тела, и в тот же момент смертельно его бояться. «Там, где страх, места нет любви» так, кажется, поется в знаменитой песне «Агаты Кристи». Оказывается, место этой дурацкой, непонятной и совершенно абсурдной дрянной любви есть всегда и везде. Она может быть смешана со страхом, с ненавистью, с болью. Да с чем угодно. Ростки этого бурьяна прорастают везде, где только можно.

– Помню.

– Очень многие. Люди, которых я уважал и ценил.

Не знаю, куда он клонил, но меня пугал его тон и не нравилось, что машина свернула на проселочную дорогу в сторону леса.

– Куда мы едем, Петр? – дрожащим голосом переспросила я.

– Тебе страшно?

Кивнула и стиснула руки в кулаки.

– Правильно, так и должно быть. Я очень хотел бы, чтоб тебе было страшно.

– Зачем тебе это? – тихо спросила я. – Зачем ты постоянно мучаешь меня?

– Наверное, потому что мне это доставляет удовольствие? – совершенно невозмутимо переспросил он и приоткрыл окно. – Люблю лесной воздух. Особенно в хвойном лесу. Когда я был ребенком, я мечтал сходить в хвойный лес, собрать шишек и сделать из них поделки для своей матери.

– И…ты их делал?

– Нет. Тогда нет.

Сказал, как отрезал, и снова посмотрел на меня.

– Как ты думаешь, зачем мы едем в лес?

Мне становилось все страшнее, а выражение его лица нравилось все меньше. Казалось, все его черты заострились, а губы нервно подёргиваются. Как будто он что-то предвкушает. И мне вдруг четко и ясно становится понятно, что меня здесь ждет нечто ужасное. Скорее всего, мучительная смерть.

– Не надо.

Как-то очень жалобно пропищала я, а он рассмеялся. Его явно забавлял мой искренний ужас. У меня странное ощущение, что в этот раз будет хуже, чем в пустыне, что там все только начиналось, и теперь он входит во вкус, и я на втором уровне игры этого сумасшедшего маньяка, в которого меня так угораздило. Он так профессионально и утонченно подминает меня под себя, давит ментально, что я понимаю, насколько ничтожны все мои попытки сопротивляться.

И это тот человек, который берет мое тело, который ласкает меня, который выдирает из меня бешеные оргазмы, он же смотрит на меня взглядом палача, и я знаю, что наказание последует непременно. И он к нему готовился. Тщательно, продуманно. Никто и ничего мне не простил. Все эти дни, когда был ласков со мной, он не переставал помнить о том, что придумал для меня новые пытки.

– Не нервничай, Марина. Рано начала нервничать. Расслабься, отдохни в дороге. Может, ты хочешь пить? Или достать для тебя шоколадку?

Похоже на вопрос «нет ли у вас последнего желания». И я вдруг понимаю, что оно есть. И это желание, чтобы он меня поцеловал, прижал к себе. Успокоил меня теплом своего тела, и я поверила, что это не поездка на тот свет вместе с самим дьяволом на пару.

– Хочу…

Ответила несмело.

– И чего же ты хочешь?

– Твои губы.

Приподнял одну бровь, затем протянул руку и взял мое лицо за подбородок, всматриваясь мне в глаза своими страшными, светло-синими глазами. Там штиль….но обычно затишье всегда бывает перед самым страшным ураганом. И меня слегка потряхивает от страха.

– Так возьми их сама, если хочешь.

Взгляд тяжелый из-под широких век. Я подалась вперед и коснулась губами его губ. Безответно. Он даже не пошевелился. Я обняла своим ртом сначала верхнюю, затем нижнюю. Провела по ним языком. Айсберг оставался совершенно равнодушным, и меня заражало его холодом.

И я больше не хочу никуда ехать. Я хочу, чтобы это наказание свершилось здесь и сейчас. Пусть заставит напряжение лопнуть, а не сводит с ума ожиданием. Но нет, он ведь смакует мой ужас, он ловит, считывает, сжирает его с моего лица, и я вижу искорки удовольствия в его глазах и в спрятанной в чувственном влажном рте улыбке.

У меня в голове мелькает вдруг мысль о его жене. С ней он так же жесток, с ней он так же играет в эти ужасные психологические игры и мучает ее…Скорее всего, нет. Скорее всего, с ней он нежный и любящий супруг. Он заботится о ней, называет ласковыми словами, дарит подарки по праздникам и никогда не вывозит в лес умирающую от ужаса.

Машина останавливается в густоте почти непроходимых хвойных зарослей.

– Как же ты вся трясешься. Тебе холодно?

Киваю. На самом деле мне очень страшно. Он выходит из машины, подает мне руку и ведет за собой. Я оглядываюсь на водителя, но он сидит в своей кабине за своими затонированными стеклами. Если меня будут убивать, он так там и останется и ни разу не вмешается. Потом они вместе меня тут закопают.

Я близка к истерике. Мне уже не просто жутко, я в панике и готова броситься бежать.

– Перестань подпрыгивать и дергаться. Иди спокойно. Прояви уважение.

– К кому? К кому мне его проявить?

– К мертвецам…

Айсберг выводит меня на поляну, и я с ужасом вижу на ней несколько холмов. Так похожих на могилы. Я торможу, хватаюсь за его руку, трясу головой. Я не хочу идти дальше, но он хватает меня за плечо и тянет насильно. Подтаскивает к первому холму.

– Здесь покоится Гройсман! Да…великий, услужливый и умный Гройсман, который решил помочь тебе уехать. Который думал, что я настолько глуп, что не раскрою его идиотскую авантюру с машиной. Думал, что я не знаю, как он ворует еду у меня из-под носа. Я столько раз прощал его за его преданность…но не в этот.

Сотрясаясь всем телом, я смотрела на холм и почти плакала от ужаса. Он подтащил меня ко второй могиле.

– Здесь покоится с миром начальник охраны. Вон там его помощник. А там водитель грузовика. И милая Эллен, которая проспала твой побег, а теперь упокоилась вечным сном.

Потом схватил меня за шиворот, и я почти закричала, а он потащил меня куда-то в сторону, хрипло шипя у меня над ухом.

– Все они расплатились за твою выходку, она стоила им жизни, и за это…за это тебе самой придется долго и нудно расплачиваться.

Он подтащил меня к деревьям и толкнул в их сторону. Я увидела на пеньке ножницы, веревку и тюбик. О Боже….он меня повесит? Здесь в лесу? Я медленно обернулась к нему, чувствуя, как дрожит мой подбородок и катятся слезы по щекам.

– Пожалуйста…не надо…я больше не сбегу от тебя.

– Конечно, не сбежишь. Сейчас ты начнешь рвать хвойные ветки, собирать шишки и делать поделки. Ты сделаешь ровно пять венков, разложишь их на могилах, и мы поедем дальше. Чем быстрее сделаешь, тем быстрее уедем.

Пока я плела эти венки и колола пальцы до крови, он стоял и курил, глядя прищурившись на то, как мои окоченевшие пальцы приклеивают шишки, как связывают ветки веревкой. Ничего более ужасного я в своей жизни никогда не делала. Словно погрузилась в страшный сон и не могу проснуться, словно я, как жертва извращенного маньяка не верит во все происходящее и пытается вынырнуть из марева кошмара. Меня трясет от холода, от истерики, от ужаса. Еще никогда я не боялась его настолько, насколько испугалась сегодня. И я не верила, что для меня на этом все закончится. Не верила, что теперь отпустит и больше не накажет. Мне казалось, что это только начало…Ужасно хотелось взмолиться и прокричать «ХВАТИТ». Хватит сводить меня с ума, пугать, ломать, крошить в щепки. Он словно знает, что именно причинит мне такую сильную боль, и причиняет ее, давит на чувство вины, жмет на все мои болевые точки. Я вспоминаю, как говорил о нем Глеб…говорил, какой он ужасный человек. Мертвый Глеб…его тоже убили из-за меня. Я во всем виновата. Как черная вдова, я приношу несчастья всем, кто меня окружает. Как будто я – это вселенское зло, к которому нельзя прикасаться. Мне было жаль их всех. И Гройсмана, и Эллен, и ее маленькую собачонку. Из-за меня погибли люди. Из-за меня они лишились жизни. Кто знал, в каких мучениях и в каком ужасе они умирали.

– Вот здесь…кто здесь? – дрожащим голосом спросила я, укладывая последний венок, ничего не видя из-за слез.

– Какая разница? Когда ты их всех подставляла, тебя не волновало, кто из них умрет первым. Моя маленькая девочка думала только о себе, правда? – он погладил меня по голове успокаивающим жестом, а я всхлипывала и тряслась всем своим телом. – Маленькая, глупая малышка, которая решила сбежать от самого Сатаны. Ну все. Мы закончили и теперь поедем домой.

– Ты…ты правда убил Эллен?

– Что ты, милая, – как же красива его умопомрачительная и почти нежная улыбка, – это ты ее убила. Ты подсыпала ей яд в чашку, и она умерла.

– Нннннет…это было снотворное. Всего лишь маленькая доза.

– Это был яд, моя маленькая, – он погладил меня по щеке и закутал посильнее в шубу, – ты вынесла ей приговор, ведь она отвечала за каждый волосок на твоей голове собственной жизнью. И проотвечалась.

– Нееет…ты не мог, ты…же чудовище!

Я попыталась вырваться, но он сдавил мои плечи.

– Чудовище у нас ты. Глупое, несуразное, не отвечающее за свои поступки, чудовище…только от слова Чудо. Потому что ты не страшная…ты до безумия смешная.

И он усмехнулся. Зло, неприятно. Как сам дьявол.

– Ты их убил и тебе смешно?

Ужаснулась я.

– Ты, а не я. А теперь спектакль окончен. Поехали.

– Теперь ты убьешь меня? Не хочу никуда ехать. Не надо, Петр, пожалуйста.

И мои глаза встречаются с его ледяными синими безднами. И я не понимаю, как можно хотеть избавиться от чьей-то власти, мечтать сбежать, мечтать вырваться из плена и в тот же момент быть настолько зависимой, настолько прошитой его дьявольской харизмой, его бешеной властностью и сексуальностью. Висеть на поводке его похоти и жадно смотреть снизу вверх в ожидании ласки.

– Поехали!

Скомандовал и затолкал меня в машину.

– Не надо…я больше не сбегу. Не надо.

– Марина. Посмотри на меня. Прекрати истерить. Мы просто уезжаем отсюда.

Схватил меня за лицо и развернул к себе.

– Прекрати. Меня это раздражает. Просто успокойся.

Мне так хочется ему поверить, что все позади, и теперь мы вернемся домой. В тот старый особняк. И я забуду обо всех кошмарах, обо всем, что происходило. Но как забыть, если там больше нет Эллен…нет Гройсмана и…Я снова разрыдалась и вдруг услышала его голос прямо у меня над ухом.

– Сними трусы.

Качнула головой, а он с нажимом повторил.

– Подними юбку и сними с себя сапоги, колготы и трусы.

Нет….только не здесь и не сейчас. Не после пережитого ужаса, не после всего, что он заставил меня испытать. Но там внизу живота сладко заныло, и нижние губы тут же налились от прилива крови к промежности. Ему каким-то отвратительным образом удавалось заставить мое тело вожделеть, изойтись истомой только от сменившегося тембра голоса.

– Снимай. Я ведь еще не закончил тебя наказывать.

И проводит колючей, хвойной веткой по моей щеке. Судорожно сглотнув, я беспрекословно подчиняюсь, расстёгивая сапоги, сбрасывая их с ног и под неумолимым взглядом моего мучителя снимая с себя колготки.

Вкрадчивый голос, достающий до самых кишок, так, чтоб их скрутило в узел, и тут же окаменели соски, потому что этот тон узнаваем, а приказ абсурдно и неуместно пошл. Хвойная ветка колется и скользит по моей шее, по вырезу шерстяного платья.

– Подол подняла, ногу поставила на сиденье.

И я не знаю, каким образом у него получается дернуть рубильник внутри меня. Переключить мое истерзанное сознание только на себя, заострить мои эмоции, оголить, как провода. Моя промежность полностью открыта его взгляду, и я знаю, что она сочится влагой и, если он коснется ее пальцами – он тоже об этом узнает. Это же мерзко. Я мерзкая. Как я могу? Как? Я же только что рыдала и тряслась от ужаса, я же не хотела, чтоб он меня трогал. Но мое тело думает иначе. Оно не принадлежит мне. Оно принадлежит только ему. И слушается оно тоже только его.

Умелый манипулятор продумал все до мелочей, проиграл каждый аккорд в своем извращенном уме и теперь лишь оттачивал свое мастерство на мне виртуозно, ловко, как настоящий кукловод.

С каждой минутой он делал меня другим человеком, и из этого леса я тоже вышла другой…Я пойму это гораздо позже. Сейчас я слишком многое пережила, сейчас мой адреналин шкалит, я на нем плотно сижу, как на героине, и это Петр меня на него подсадил. Оказывается, наркотики могут носить человеческое имя и изощренно издеваться над своей жертвой, и морально, и физически, обретать плоть.

Я чувствую, как хвоя колет мне кожу через платье, как иголки цепляют соски и заставляют прогнуться в спине. Рывок его сильных пальцев и несколько пуговичек отлетают в сторону, он распахивает мне ворот платья, обнажая заостренные, вытянувшиеся соски. Теперь иголки впиваются в кожу, но вместе с болью по телу разливается сладкая истома, половые губы наливаются и опухают, их чувствительность начинает зашкаливать, и я, кажется, чувствую, как с них стекает вязкая влага.

– Страх, боль, возбуждение и наслаждение…какие разные и как близко они ходят друг возле друга, как тесно умеют сплетаться в единое целое.

Иголки впиваются в сам сосок не сильно, но достаточно чувствительно, чтоб я опять взвилась, а ветка, щекоча, поползла вниз по животу и вдруг хлестнула меня по внутренней стороне бедра.

– Распахни ноги шире, девочка.

Он ударил, а меня подбросило от перевозбуждения, и я тихо всхлипнула, не отрывая взгляда от его дьявольских глаз. В них Тьма. Такой непроходимый адский мрак, что мне хочется закричать, но я не могу оторваться. Мне нравится вязнуть в этой тьме, ведь он посвятил ее мне. Это по мне так потемнели его синие глаза.

Едва касаясь, провел веткой по промежности, и я застонала, вскрикнула в попытке свести ноги, укололась, вскрикнула еще сильнее и послушно раскрылась больше, задыхаясь, дергаясь в его руках.

– Вот так…Всегда слушайся меня, Марина, и тогда не будет мучительно больно. Усваивай уроки, а не опыт…уроки. Опыт – это слишком больно, правда? Ты ведь уже знаешь, как это больно? А теперь покричи для меня. Громко, красиво. Ты ведь ужасно хочешь покричать, правда?

Его голос уже трахает мой мозг, уже входит в него мягкими толчками и пульсацией опутывающей паутины грязного вожделения. Ладонь накрывает сочащуюся плоть, и он отвратительно и цинично цокает губами.

– Ццц…какая текущая, истекающая дырочка, напряженная, опухшая, пульсирующая. Как быстро ты кончишь? Давай сделаем ставки…

Его губы близко от моих губ, и он цепляет кончиком языка мою верхнюю губу, но не целует. Мой клитор бешено пульсирует от его слов, от ожидания и предвкушения. Так пульсирует, что кажется, его разорвет.

– Если через секунду, то ты выполнишь любое мое желание, а если через две, то я твое…Ммм, согласна?

Послушно киваю, как собачонка. Я уже не принадлежу себе. Меня колотит, меня подбрасывает от невероятного и дикого возбуждения, от самой первобытной и обнаженной похоти. Я хочу кончить. И мне все равно, кто выиграет и проиграет. Мне кажется, что, когда я кончу, мне станет легче.

– На что ты согласна? Скажи, я согласна, чтобы ты трахал меня, как хочешь, Петр. Согласна, чтоб драл меня, наказывал.

– Да.

– Не да. А скажи словами. Давай…не зли меня, а говори. Я хочу услышать от тебя.

Дразнит, поглаживая только половые губы, не касаясь больше нигде. Это не просто пытка. Это самое извращенное и утончённое издевательство, обостренное всплеском адреналина. Мне нужно больше. Мне нужно больше прямо сейчас или я умру.

– Трахни меня, как хочешь, Петр.

Жалобно умоляю и подаюсь вперед бедрами, чтобы самой потереться о его руку.

– Я хочу кончить для тебя, как сука.

– Я хочу кончить, – буквально рыдая.

– Кончить, как твоя сука.

Раздвинул плоть, обнажая острый узелок, обожжённый струей воздуха и готовый разорваться от возбуждения.

– Кончить, как твоя сука.

Легкий удар хвоей по промежности, и иголки цепляют клитор, я сорвана в пропасть, я скользнула по точке невозврата, как по лезвию бритвы, и полетела в бездну. Ощутила, как пальцы надавили на сотрясающийся в спазмах клитор, усиливая наслаждения, как сразу же следом вторглись в мое тело быстрыми, ритмичными толчками, массируя влагалище изнутри, царапая и ввинчиваясь где-то в какой-то неумолимо невыносимой точке. Так, что меня извивает и изгибает. Я сочусь и теку на его руку, я шлепаю и хлюпаю, истекая соками. Это пошло и прекрасно…А еще это страшно. Он трахает меня пальцами так быстро, что у меня сыплются искры из глаз, и я кончаю снова. Кажется, я кричу, потому что он

зажимает мне рот ладонью так сильно, что я впиваюсь зубами в мякоть его кожи. Во мне три или четыре пальца, я натянута на них, как перчатка, до самого предела…мне хочется увернуться, и в то же время я извиваюсь и дергаюсь, как похотливая самка, пока не падаю, обессилев на сиденье, закатив глаза, стиснув коленями его руку. Опустошенная и совершенно выпотрошенная, обескровленная этими оргазмами. Убитая ими…потому что ненавижу себя за них, потому что мои руки все еще исколоты хвоей, потому что на моих пальцах клей… а на холмах лежат венки. Потому что этот человек убил людей. Он жуткий… я не должна с ним быть. Не должна хотеть этого маньяка. Не должна с ним кончать. Не должна мечтать о его вздыбленном члене, блестящем, таком мощном и огромном с крупной красной головкой, которая по объему чуть больше самого члена, со стволом, увитым выпуклыми венами, и тяжелой, тугой мошонкой. Я помню, какой он на вкус. Я хочу стоять на коленях и лизать его там, хочу глотать его плоть…хочу, чтобы потом она вонзилась в мое тело.

Но вместо этого он вытаскивает из меня пальцы, вытирает их влажной салфеткой и откидывается на спинку кресла. Он явно доволен собой и спокоен… а я унижено раздавлена и лежу, задыхаясь и все еще вздрагивая.

– Самый верный способ прекратить истерику – это секс. – сказал и приоткрыл окно, выбивая из пачки сигарету, доставая ее зубами и закуривая. – Качественная стимуляция или жесткий трах, это не важно. Ты всегда готовая и текущая, как бы ты это не отрицала. Моя. Вещь. Ты мне нравишься, Марина. Будь иначе. Там было бы на один холмик больше.

Скорее, холодно констатирует факты и выпускает струйку дыма в окно, а я смотрю на его руки и меня ведет от понимания, что только что эти длинные и мощные пальцы вбивались в мое тело по самые костяшки, и я бешено орала, кончая ему на ладонь и думая, что достигла своего края. Своей границы безумия.

– Оденься, мы почти приехали.

И я одеваюсь вся красная. Пунцовая под его холодным взглядом…взглядом, который несколько минут назад сжигал меня в хлам. Я натянула колготки, надела сапоги, одернула подол платья, только ворот остался разорванным, и мне пришлось прикрыться шарфиком.

Машина подъехала к воротам, они медленно распахнулись, и первое, что я увидела – это Гройсман. Гройсман, рубящий дрова во дворе. Я смотрела на него застывшим взглядом, смотрела, как он разламывает в щепки бревна, как поднимаются его руки с топором и опускаются на колодку. Мне не кажется? Или я схожу с ума? Я, наверное, лишилась рассудка. Это не может быть он…его же убили, он же…это он меня вывез, он делал мне документы, он…

– Выходи из машины, Марина. Мы приехали.

Я нервно оборачиваюсь ему вслед, смотрю, как летят в разные стороны щепки, и ничего не понимаю. Пока не вошла в дом и не увидела плывущую мне навстречу Эллен с псиной на руках.

В эту секунду мои нервы не выдержали, и я поплыла, тяжело осела и упала на пол, погружаясь в черноту обморока.

---

*1 – Известные названия искажены намерено в связи с новыми правилами и законами (прим. автора)

## Глава 6

Нет, я не умер. Я убеждался в этом каждую секунду. Мертвым уже похрен. Нет, я не умер, я завидовал мертвецам, потому что завис в собственной агонии, умноженной на бесконечность. Понимал, что творю что-то фатальное, что-то, чего не прощу себе сам…

(с) Ульяна Соболева. Паутина

Его снесло в пропасть, и он летел в самую бездну с горящим на дне вулканом, чтобы обгореть там до самых костей живьем. Нет, не тогда, когда она пропала, а тогда, когда к нему пришел Гройсман. Гройсман, с которым он не разговаривал несколько лет. Да, преданный, да, много лет прослуживший в их доме, но

провинившийся в свое время и сосланный в опалу. Ничего особенного, всего лишь слишком верен был своей хозяйке. Настолько верен, что готов на что угодно, верен до фанатизма. А фанатизм недалек от экстремизма. Петру это не нравилось. Фанатики – страшный народ. Их либо в друзья – либо на тот свет. Горбатого могила исправит. Он решил, что на тот свет слишком радикально, а вот отправить куда подальше, где общение сведется к минимуму, а пользы будет куда больше, чем вреда – самое оно.

Людмила долго не могла ему этого простить. Истерила, брала измором и молчанием, рыдала, но он оставался непреклонен. Гройсман был опасен. Авторитетен, уважаем и стар, как динозавр. Матерый, опытный и хитрый шельмец. Все и про всех знал и нос совал не в свои дела довольно много и довольно часто. Когда такие, как он, попадают в опалу, то прижимают хвост и уши и изо всех сил держатся за свое место. Теперь Грося был предан только Петру, потому что понял – никакая Людмила не решает больше его судьбу и веса не имеет.

Гитлер…как назвала его Марина. Гитлер…это же надо было такое придумать. При мысли о ней на лице появилась улыбка и дико заныло в паху. Адская смесь похоти и нежности, грубого желания отодрать в каждую дырку и нежно вылизать каждую складочку. В дверь постучали и, не поднимая головы от статьи, уверенно сказал:

– Войдите.

Гройсман зашел бочком, чуть наклонив голову и сгорбатив спину. Как опасливый пес, который знает, что может огрести от хозяина. Опасливый, но умный и пронырливый.

– Петр Ростиславович…простите, что беспокою, но это очень важно.

Почему-то сразу понял, что о ней пойдет речь. Нутром почуял, инстинктами звериными и тут же отложил ноутбук. Все, что касалось ее, даже самая нелепая мелочь его интересовала.

Он даже вел по ней дневник. Записывал ее привычки, вел учет ее родинкам, шрамам и царапинам. Ему нравилось конспектировать о ней все, как бешеному маньяку, который контролировал каждый ее шаг и дышал ею, как воздухом. Он

знал, где ей нравится больше, когда он лижет, сбоку от вершинки клитора, где нравится больше, когда потирает его пальцем, с каким нажимом кусать ее сосок, и как глубоко проникать в нее пальцами, и с какой амплитудой доводить до исступления так, чтобы она проливалась оргазмами на его пальцы. Он изучил ее, как карту мира, и мог найти каждую выемку с безошибочной точностью, но в то же время она оставалась для него полной загадкой. Потому что он адски желал пробраться к ней в голову и под ее грудину. Но не знал и не умел как. Называя ее своей вещью, он безумно хотел быть любимым хозяином. Хозяином стал… а вот любимым мог только мечтать и ненавидеть ее за это. За свои несбыточные идиотские мечты. Как когда-то мечтал быть любимым своей матерью и так же презирал себя за это, потому что его никогда не любили.

Даже Людочка. Людочка любила только себя и эгоистично хотела заполучить то, что не смогла заполучить еще с самого детства, хотя и приложила к этому немало усилий.

Наверное, именно это и заставляло его иногда ощущать это удушливое чувство ненависти, ревности к Марине самого себя. За то, что стала важнее собственного эго, за то, что занимает слишком много мыслей… и никогда не станет им дорожить. Он ей, как человек, не нужен.

– Заходи и прикрой за собой дверь.

Кивнул, повернул ручку и проверил, что дверь закрыта.

– Это про нее. Про вашу гостью.

– Говори, не тяни. У меня мало времени, и оно ценное.

Нарочно не смотрит на него и всецело якобы увлечен компьютером, когда на самом деле на дисплее заставка.

– Она хочет, чтоб я помог ей сбежать.

Хлопок крышкой и подался вперед.

– Что?

– Она хочет, чтобы я помог ей сбежать от вас.

Если бы он сейчас сунул ему под ребро острие ножа, то было бы не так неожиданно и больно. Сука! Сбежать? После всего, что он для нее…после того, как, рискуя всем, привез ее в театр, после того, как чуть ли не каждый день к ней…Тварь.

– Хочет, значит исполним желание девушки.

Гройсман ухмыльнулся и поправил волосы.

– Думает, вы не знаете о том, что я вывожу продукты в синагогу, шантажирует меня этим и водителем, которого вы …

Поднял руку, не давая договорить. Требуя тишины, и тот беспрекословно подчиняется. Удар надо переварить, надо прийти в себя и начать снова дышать. Он верил, что ей с ним хорошо. Он делал все, чтобы угодить этой малолетней гадине…подставлялся и рисковал.

– Устроим ей побег. Поиграемся в кошки-мышки. Есть свой человек в Израиле?

– Есть.

– Сделаешь ей документы и вывезешь ее отсюда…. Через несколько недель у меня тайная встреча в Хедере, отдохну с ней на берегу моря после…Поиграемся. Обставишь все так, будто ее побег удался. Пусть поиграет девочка.

А у самого шариковая ручка сломалась в пальцах. Сбежать она решила. Он скорее отгрызет себе руку, чем позволит ей уйти от него. Там, в театре не вытерпел. Увидел ее, и все померкло. Один только взгляд, и больше ни о чем думать не смог. Рядом Люда с животом своим за руку цепляется и преданно в рот смотрит, а он туда…через весь зал. На нее. И глаз отвести не может. Понимает, что засекут, вычислят, заметят. Заставляет себя отвести взгляд, сдавить челюсти изо всех сил, смять их до хруста в висках и обратить взгляд на сцену. И не скинуть руку Людмилы, так раздражающую его, сводящую с ума своей назойливостью. Он вспомнил, и как она сообщила ему о беременности, и как забеременела тоже вспомнил.

Конец ознакомительного фрагмента.

---

Купить: https://tellnovel.com/soboleva_ul-yana/lyubovnica-prezidenta

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити